

Супруга — эпизод 3 из 3

Ты поедешь к Рису навсегда. Я дам тебе развод, приму вину на себя, и Рису можно будет жениться на тебе.

Но я вовсе не хочу развода! живо сказала Ольга Дмитриевна, делая удивленное лицо. Я не прошу у тебя развода! Дай мне паспорт, вот и всё. Но почему же ты не хочешь развода? спросил доктор, начиная раздражаться. Ты странная женщина. Какая ты странная! Если ты серьезно увлеклась и он тоже любит тебя, то в вашем положении вы оба ничего не придумаете лучше брака. И неужели ты еще станешь выбирать между браком и адюльтером?

Я понимаю вас, сказала она, отходя от него, и лицо ее приняло злое, мстительное выражение. Я отлично понимаю вас. Я надоела вам, и вы просто хотите избавиться от меня, навязать этот развод. Благодарю вас, я не такая дура, как вы думаете. Развода я не приму и от вас не уйду, не уйду, не уйду! Во-первых, я не желаю терять общественного положения, продолжала она быстро, как бы боясь, что ей помешают говорить, во-вторых, мне уже 27 лет, а Рису 23; через год я ему надоем и он меня бросит. И в-третьих, если хотите знать, я не ручаюсь, что это мое увлечение может продолжаться долго... Вот вам! Не уйду я от вас.

Так я тебя выгоню из дому! крикнул Николай Евграфыч и затопал ногами. Выгоню вон, низкая, гнусная женщина!

Увидим-с! сказала она и вышла.

Уже давно рассвело на дворе, а доктор всё сидел у стола, водил карандашом по бумаге и писал машинально:

Милостивый государь... Маленькая ножка...

Или же он ходил и останавливался в гостиной перед фотографией, снятой семь лет назад, вскоре после свадьбы, и долго смотрел на нее. Это была семейная группа: тесть, теща, его жена Ольга Дмитриевна, когда ей было двадцать лет, и он сам в качестве молодого, счастливого мужа. Тесть, бритый, пухлый, водяночный тайный советник, хитрый и жадный до денег, теща полная дама с мелкими и хищными чертами, как у хорька, безумно любящая свою дочь и во всем помогающая ей; если бы дочь душила человека, то мать не сказала бы ей ни слова и только заслонила бы ее своим подолом. У Ольги Дмитриевны тоже мелкие и хищные черты лица, но более выразительные и смелые, чем у матери; это уж не хорек, а зверь покрупнее! А сам Николай Евграфыч глядит на этой фотографии таким простаком, добрым малым, человеком-рубахой; добродушная семинарская улыбка расплылась по его лицу, и он наивно верит, что эта компания хищников, в которую случайно

втолкнула его судьба, даст ему и поэзию, и счастье, и всё то, о чем мечтал, когда еще студентом пел песню: Не любить погубить значит жизнь молодую... И опять, с недоумением, спрашивал себя, как это он, сын деревенского попа, по воспитанию бурсак, простой, грубый и прямой человек, мог так беспомощно отдаться в руки этого ничтожного, лживого, пошлого, мелкого, по натуре совершенно чуждого ему существа.

Когда в одиннадцать часов он надевал сюртук, чтобы ехать в больницу, в кабинет вошла горничная.

Что вам? спросил он.

Барыня встала и просят двадцать пять рублей, что вы давеча обещали.